

Институт русского языка имени В.В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В.В. Виноградова**

IV

Этимология

МОСКВА

2015

А. Лома

Институт сербского языка САНИ

(Сербия, Белград)

loma.aleksandar@gmail.com

**ЕЩЕ РАЗ О ПРИЗРАКАХ: ВО СНЕ, НАЯВУ, В ЭТИМОЛОГИИ
серб., болг. *неведа*, серб. *авед*, *ав(и)ест*, *авет*, укр. диал. *явіда*,
русск. диал. *явидь*, лит. *óvaidas*¹**

В данной статье пересматривается этимология южнославянского фольклорного термина *неведа* ‘сверхъестественное существо, причиняющее зло, несчастье’, до сих пор толкуемого как сложение отрицательного **ne-* с глагольной основой **věd-*. Допускается, что это позднее, только с двадцатого столетия засвидетельствованное слово видоизменено из **дневеда* < **дъне-věda* ‘дневной призрак’, являющегося вариантом балтославянского сложного **āvi-vaidas* ‘явный призрак’, отраженного в лит. *óvaidas* ‘страшный шалун, сорванец’, серб. диал. *авед* ‘призрак, привидение, страшилище’, укр. диал. *явіда* ‘черт’, русск. диал. *явидь* ‘змея, которая водится в тундрах’. Замечается, что в балтославянском *vaida-* ‘призрак’, подобно тому как и в древнеиндийском *vēda-* ‘знание, полученное от богов путем откровения’, значение праиндоевропейского корня **uoid-* / **ueid-* / **uid-* сузились на восприятие сверхчувственного.

Ключевые слова: этимология, славянская, балтийская, сложные слова, демонология.

¹ Работа выполнена в рамках проекта н. 148004 «Этимологические исследования по сербскому языку и разработка Этимологического словаря сербского языка», финансируемого Министерством науки Республики Сербии. В заглавии статьи «еще раз» относится к работе [Белетич, Лома 2013].

В Этимологическом словаре славянских языков реконструировано прасл. **nevěda* на основе болг. *nevěda* ж. ‘незнание’, чеш. *nevěda* м. ‘недоучка, невежда’, польск. диал. *niewiada* м. ‘выродок’, нареч. ‘неизвестно’, словин. *ñevēda* то же [ЭССЯ 25/1999: 65]. В данной статье не учтены все южнославянские формы и значения рассматриваемого слова. В четвертом выпуске болгарского этимологического словаря [БЕР 4/1995: 584–585] кроме *nevěda* (2) ‘незнание’ и *nevēda* ‘невежда’ (не отмеченного в ЭССЯ) есть и особая статья *nevěda* (1), основанная на словосочетании *хала и неведа*, *али и неведи* в говорах западной Болгарии и восточной Сербии.¹ Более полные данные собраны П. Ивичем в пробном выпуске сербского этимологического словаря.² Он там обнаружил южнославянский диалектизм *неведа* ‘несчастье, злая сила; неземное, сверхъестественное существо, причиняющее зло, несчастье’, распространенный в ареале, охватывающем юго-восточную Сербию и западную Болгарию (так называемые шопские говоры), употребляемый по преимуществу (почти исключительно) вместе с (*х*)*ала* ‘дракон, змей; непогода; обжора’ в устойчивых сочетаниях типа серб. *Нек га носе але и неведе*, болг. *Да ойде сичко по али и неведи*.³ И авторы БЕР и Ивич согласны в том, что речь идет о сложении отрицательного **ne-* с глагольным корнем **věd-*, но расходятся в последующей интерпретации. Авторы БЕР считают, что это табуистическое слово, образованное от существительного *věda* ‘ведьма’, тогда как Ивич исходит из отрицательной формы глагола **ne věděti* и интерпретирует *неведа* как ‘что-то неизвестное (зло, существо)’. В этом же пробном выпуске находится и другая авторская статья Ивича — *веда*, где заглавное слово, обозначающее лесное мифологическое существо, вместе с серб. *вједа* ‘призрак’, болг. *věda*, чеш. *věda* ‘ведьма’ и русск. *ведьма*, этимологизируется как ‘ведающая’ [ЕРСЈ ОС: 13–14]. Следовательно, одно и то же **věda* Ивич толкует по-разному: непосредственно отраженное в форме *в(j)еда* — как действительный, а в отрицательном варианте *неведа* — как страдательный залог. В пользу отглагольного, а не отыменного происхождения слова *неведа* говорило бы парал-

¹ Первое свидетельство из сербского говора Пирота; другие — из говоров окрестностей Софии и Перника.

² *Ивић П.* неведа [ЕРСЈ ОС: 58–59].

³ Грависом здесь отмечено экспираторное ударение, характерное для данной диалектной зоны.

лельное существование *o*-основы мужского рода в болг. диал. *нѣвед* ‘злой дух’,¹ серб. *нѣвед* в сочетании *прај невед* ‘делает глупости, поступает вопреки разуму, ведет себя непристойно’ (Пирот).² Следует подчеркнуть, что и в случае слова **nevěda* ‘невежда’ ученые расходятся в интерпретациях.³

Существенный вклад в дискуссию внесла своими работами Марта Белетич, сначала опосредованно, показав, что слово (*x*)*ала* представляет собой не заимствование из турецкого, а праславянский диалектизм [Бјелетић 2002, 2004], ср. и [EPCJ 1: 96–97 s.v. *ala*²] — и что, следовательно, сочетание *хале* и *неведе* является более древним, чем до тех пор предполагалось — а потом и непосредственно, в статье, посвященной изучению семантики прасл. **věd-* [Бјелетић 2008]. Там она, между прочим, обратила внимание на сербское диалектное слово *àвед*⁴ ‘призрак, привидение, страшилище’, отмеченное, вместе со своими производными *àведан*, *-дна*, *-дно* ‘прожорливый, ненасытный’, *àведник* м., *àведница* ж. ‘прожора’, в говоре деревни Каменица возле Ниша (ю.-вост. Сербия).⁵ С оговоркой, что

¹ [БЕР 4: 585], где данное слово отделяется от омонимичного *невед* ‘невежда’ и допущается, что оно могло бы быть вторичным образованием от *неведи*, мн. ч. от *неvěда* или сложением **ne-* и существительного **věďь*, отраженного в др. чеш. *věd* ‘чародей’.

² Ивић, там же. Чакавское слово *нѣвид* ж. ‘невидимый дух’, послужившее в [ЭССЯ 25: 79] вместе с русск. диал. *нѣвидь* ‘тьма, непроглядный туман’ основой для реконструкции прасл. **nevīdy*, можно с большей вероятностью возвести к **nevědy*, причём признак невидимости объяснялся бы вторичным переосмыслением [Бјелетић 2008: 102]. Для варианта *невида*, отмеченного в РСА, источником является описание связанных со змеем поверий из Сврлига в восточной Сербии, опубликованное в журнале Босанска вила 1894, стр. 183, где он дан в скобках, как авторское пояснение реальной формы *неведа*: «*кале* и *неведе* (невиде)». Гапакс *невада* в сочетании *ала* и *невада* из той же части Сербии Ивич считает окказионализмом, но одновременно указывает на топонимы *Невада* в Герцеговине и южной Сербии, *Неваде* в западной Сербии (последний засвидетельствован в конце XIV века), которые более убедительно проэтимологизированы О. Н. Трубачевым как южнославянские соответствия русск. диал. *нева́да* ж. ‘участок за селом, огороженный для скота’ [ЭССЯ 25: 63 s.v. **nevada*].

³ Трубачев обсуждает его как сложение **ne-* и **věda* [ЭССЯ: там же], тогда как Вайан относит чеш. *nevěda*, польск. *niewiada* к поствербальным образованиям от (*ne*) *věděti* [Vaillant 1974: 96–97]. Грамматическое определение самого **věda*, **vědy* неоднозначно; ср. с. хорв. гапакское *vjēdina* ‘дух ведьмы’, ударение которого, если верно обозначено в РСА (2: 690a), указывало бы на то, что *vjēda* ощущалось и как прилагательное женского рода.

⁴ См. примечание 3 на с.231.

⁵ Там же, 101–103, где источником является [Јовановић 2004: 23]. М. Белетич предполагает (там же, 101), что значение производных развилось под влиянием слова (*x*)*ала* (употребляемого, как сказано, в устойчивом сочетании с *неведа*).

не исключена возможность интерпретации *авед* как вторичного варианта от *авѣт* ‘то же’, автор рассматривает это слово внутри гнезда прасл. **věd-*, подчеркивая его параллелизм не только с другими с.-хорв. словами, обозначающими призрак, привидение: *aviject*, *v(j)ed(a)*, вид, но и с укр. диал. *явіда* м. ‘черт’, русск. диал. (арх.) *явидь* ж. ‘змея, которая водится в тундрах’.

Восточнославянские слова О. Н. Трубачев в [ЭССЯ 1: 94] реконструирует как **avida* и **avidь*, сопровождая обе реконструкции вопросительным знаком, не только из-за сомнения в праславянской древности лежащих в их основе гапаксов, но и из-за колебания по поводу изначальной структуры данных слов. С одной стороны, он допускает префиксальное сложение **a-vid-* от **viděti*,¹ с другой — **avi-vid-* ‘тот, кто привиделся наяву’, где первый член связан с **aviti* (*se*) ‘явить(ся)’, *avě* ‘явно, наяву’, ввиду литовского слова *óvaidas* ‘страшный шалун, сорвиголова, сорванец’, этимологизируемого как **ovi-vaidas* ‘являющийся наяву’, ср. в литовском исконные балтские слова *ovuje* ‘наяву’ (противоположное к *sapnė* ‘во сне’), *ovytis* ‘являться’, *vāidas* ‘привидение, призрак’ [Fraenkel 1962: 519], и гибридное словосложение *jevaidas* то же, восходящее к **jeva-vaidas*, где первым членом является заимствование из славянского **java*, однозначного и однородного с **ovi-* в *ovuje* и **ovi-vaidas*.²

Если в литовском развитие **ovi-vaidas* в *óvaidas*³ объясняется гаплогогией, серб. диал. *áвед* можно возвести к той же балто-славянской праформе **āvi-vaidas* путем вполне закономерной утраты слабого редуцированного в прасл. **avьvědь*.⁴ Таким способом является предположительная балто-славянская изоглосса **āvi-vaid-*, охватывающая кроме славянского юга и восток, если допустить, что *-и-* в укр. *явіда*, русск. диал. *явидь* путем диалектного развития или вторичного изменения восходит к прасл. **ě* из балт.-слав. **ai* < праие. **oi*.⁵ Встает вопрос о значении древнего сложного слова. Труба-

¹ Относительно «архаического» префикса *a-* со значением «приблизительности» ср. там же, например, статью **agolvo*, стр. 61.

² Там же 194.

³ Тем же способом объясняется и *jevaidas* < **jeva-vaidas*.

⁴ Такая праформа, а не предполагаемая Трубачевым **avidь*, отвечала бы точно литовской.

⁵ Алофонический вариант **āvi-veid-* возможен, но менее вероятен. Ср., однако, как будто антонимическое **съно-vid-* в др.-русск. имени собственном *Сновид* (см. [Тупиков 2004 : 365]).

чевское истолкование ‘тот, кто привиделся наяву’ кажется в основе правильным, но оно нуждается в дополнительном пояснении. Решение проблемы зависит от ответа на вопрос, какого рода видение, в данном случае, обозначается корнем **veid-* / *vaid-*. Если бы оно было только простым восприятием чего-нибудь зрением, тогда не нуждалось бы в дополнении ‘наяву’, из чего следует, что балто-слов. **vaida-* не то, что воспринимается глазами при дневном свете, а скорее то, что привидится ночью, снится, видится во сне или в трансе, иными словами — сновидение, призрак. Но есть и случаи, когда человеку то, что обычно является предметом сновидений или эзотерического опыта — мертвые, сверхъестественные существа — чудятся наяву, или когда он в речи сравнивает реальных людей с такого рода видениями, например, *превратился в призрак* (о сильно похудевшем). В таких случаях имеет смысл подчеркнуть явственность (при)видения. В словаре Йовановича приведенный пример употребления слова *авед* звучит так: *Нацери́л се како авед* ‘ощерился как призрак’. Литовское *óvaidas* тоже подчеркивает необычные, потусторонние моменты в поведении человека, ср. серб. отыменный глагол *аветати* буквально ‘вести себя как призрак (*авет*)’, отсюда ‘дурачиться, делать и/ли говорить глупости; бродить, особенно ночью’ и т. п. Кажется, что в данных контекстах в балто-славянском противопоставлены друг другу два индоевропейских корня, обозначающие видение: **Heu-*, непосредственно отраженный в вед. *uvé*, хетт. *uhhi, autt, uwanzi* [LIV 243], а опосредованно в прасл. **avě*, лит. *ovuje*, др.-инд. *āvís* ‘наяву’, авест. *āuuīš* то же, и более распространенный **uoid-*, причем значение последнего в отглагольном имени **uoid-o/ā-* ограничено (визуальным) восприятием сверхчувственного. Это же слово приобрело сходный оттенок значения в древнеиндийском, где *véda-* м. ‘знание, полученное от богов путем откровения (шрути)’ противопоставлено ‘запоминаемому’ (смрити), т.е. человеческому преданию.¹ Вышеупомянутое серб. диал. эк. *āvuject*,

¹ В [NIL 719] между словами, отражающими пра-и-е. **uoid-o-*, кроме лит. *vaídas* ‘Gespenst, Erscheinung’ отмечено только др.-инд. вед. *véda-* м. ‘Wissen’ и мл.-ав. *vaēda* ‘Finden, Erlangen’, тогда как др.-ав. омоним *vaēda-* ‘Finder’ отнесен к **uoid-ō-*. Вышеупомянутые праславянские слова, простые и сложные, восходящие к **(-)véda*, **(-)vėdь*, там не приняты во внимание. Если простое **véda* в значении ‘знание, наука’ (чеш. *věda*, отсюда слов. *věda*) является неологизмом, кажется, что в основе названия сверхъестественного существа (с.-хорв., болг. *veda*, чеш. *věda* ‘ведьма’) лежит значение ‘сверхъестественное восприятие’, которым объясняются прилагательные с.-хорв.

эк. *āvest*, -*сти* ж. возводимы к варианту того же балтославянского словосложения **āvi-void-ti*¹ в обоих своих употреблениях: ‘сознание, рассудок’ и ‘привидение, призрак’, из которых первое объясняется общим, а второе — суженным значением прасл. **vėd*.²

Балто-слав. **āvi-* в **āvi-void-* можно толковать двояко: как именную основу на *-i*, отраженную в прасл. **avь* (> с.-х. *jāv* ж., польск. *jaw*, *jawī* ж., русск. диал. *на яву*), также в лит. прилагательном *ovuje*, восходящем к местному падежу *i*-основы, или как местный падеж атематической основы и.-е. **āu-*,³ ср., среди сложных слов типа татпуруша, подтип др.-инд. *rathesṭhā-*, мл.-авест. *rathaēštā-* ‘стоящий на колеснице (**rotH₂oi* loc. sg.)’. Подобная дилемма связана с интерпретацией древнего сложного слова **noktylēgь*, содержащего, в качестве первого члена, или балто-славянскую *i*-основу **nakti-* (лит. *naktis*), или местный падеж первичной основы на согласный и.-е. **nokt-*, впоследствии переобразованной в основу на *-i*.⁴ В пользу последней возможности говорит вариант **noslēgь*, первым чле-

диал. *vjėdum*, *vjėdovum* ‘ясновидящий (о человеке, животном); способный узнать оборотня, ведьму, общаться с покойниками’. Правда, оба прилагательные слабо засвидетельствованы, *vjėdovum* в словаре Вука только под словом *zūhāch* (из Черногории), истолкованным как *vjėdovum човјек* ([Вук 302а]; ср. *vjėdогоња* то же) и в [РСА 2: 690а], с подтверждением, по всей вероятности, из Лики: *Кажу да је био вједовит*, тогда как форма *vjėdum* там же дана с двумя подтверждениями из Черногории: *Такви се људи [способные узнать оборотня] називају вједитум и „вједито“ говече њуче [‘мычит’]*. Гораздо лучше в том же значении засвидетельствована словоформа *видовит*, которая выводится из *вид* ‘зрение’, хотя семантика прилагательного не происходит прямо из значения существительного, ср. русск. диал. *видовитий* ‘статный, представительный’ [СРНГ 4: 275]. Нельзя исключить возможность, что *видовит* представляет собой переобразование из *vjėdovum* < **vėdovity(jь)*. Вопрос о взаимном влиянии и скрещении глагольных основ **vėd-* и **vid-*, наблюдающимся и в ряде других случаев (ср. то, что выше сказано о с.-хорв. *нєвид*, укр. *явида*, русск. диал. *явидь*) — при, по-видимому, полном устранении в праславянском нулевой ступени праие. **uid-* — выходит за рамки этой статьи. *Ведогонями я займусь* в сборнике в честь академика Любомира Максимовича (Зборник радова Византолошког института 50).

¹ Ср. **vaidti* > прасл. **(sь-)vėstь*.

² В [ЕРСЈ 1: 53] *avi(j)ec(m)* ‘сознание’ трактуется как производное от глагола *aviјестити се*, полученного переразложением из *обавијестити се* ‘осведомиться’, а *авијест*, *авест* ‘призрак, несчастье (и т. п.)’ как скрещенное данное слово с *авет* ‘призрак’.

³ Косвенным продолжением которой являлась бы, как и в ряде других случаев, вышеупомянутая *i*-основа.

⁴ Формулировка в [ЭССЯ 25: 179]: «Архаичное сложение без соединительной гласной» как будто пренебрегает закономерной утратой слабого *ь* < **i*.

ном которого является, по-видимому, родительный атематического склонения **nokts*.¹ Сложные слова с первым членом в местном падеже характерны для древних пластов славянской топонимии, ср. серб. *Усти-прача* ‘место на устье реки Прача’, др.-серб. *Врху-брѣзница* ‘место в верховье реки Брезница’, **Днь-полье*² ‘место на краю (дне) поля’, серб. уст. *Дне-мрак* ‘место, где и днем темно’. Последнее название привлекает к себе особый интерес по ряду причин. Во-первых, архаичной формой своего первого члена *дне-* < прасл. **dьne*, местного падежа атематической основы на носовой и.-е. **din*-³; во-вторых, антонимией *днем* — *ночью*, которая довольно близка к вышерассматриваемой *наяву* — *во сне*, и в-третьих, своим фонетическим развитием, которое могло бы оказаться поучительным для интерпретации сербского и болгарского слова *неведа*. Форма *Днемрак поток* засвидетельствована только в одном судебном акте из 1839 года, а потом она изменилась в *Нѣмрѣк*, как сегодня называется данная местность на вершине горы Мален в с.-з. Сербии; есть и другой *Немрак* в окрестном районе горы Рудник, без исторических записей.⁴ Толкование, исходящее из этой современной формы, вызвало бы недоразумение, поскольку она воспринимается как отрицание мрака — такое значение, впрочем, допустимо в оронимии⁵ — тогда как данное название в обоих случаях обозначает тенистые места, поросшие дремучими лесами. Довольно банальное упрощение группы согласных в начале слова *дн-* > *н-*, наблюдаемое и в

¹ Упрощение *kts* > *s* в середине слова перед плавным является закономерным; попытки объяснить этот хорошо засвидетельствованный др.-русск. и русск. диал. вариант контаминацией с *слега* ‘брус, жердь’ или с *сльгати* (ср. [ЭССЯ там же]) кажутся натянутыми.

² Засвидетельствовано с середины XIV столетия в форме *Днеполье*; на данной территории (Метохия) в это время уже совершался переход *ě* > *e*.

³ Которая, при отсутствии параллелей в других славянских языках, не предполагает праславянскую древность слова (***dьne-morkъ*), поскольку на данной территории (с.-з. Сербия) формы типа *о Ивању дне* ‘в Иванов день’ до сих пор конкурируют с младшими типа *на Ивањдан*.

⁴ См. [Лома 1984: 204–205].

⁵ Ср. например др. серб. *Невечерань* (1316), предположительно обозначение горной вершины, на которой вечером продолжительно задерживаются солнечные лучи, ср. русск. *невечерний* [Лома 2013: 159].

других случаях,¹ здесь перевернуло вверх дном его изначальную мотивацию.²

Итак, обрисовывается возможность возвести *неведа* не к **ne-věda*, а к **dъne-věda*. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу нельзя, поскольку словоформа с *дн-* нигде не засвидетельствована, а, с другой стороны, не существуют подтверждения рассматриваемого слова из периода перед XX столетием, на основании которых можно было бы исключить ее. Преимущество данной интерпретации состоит в том, что она устраняет противоречие, присущее вышеприведенным толкованиям **ne-věda*, как будто находящегося в семантической оппозиции к **věda*, тогда как **dъne-věda* 'дневной призрак' относилось бы к простому **věda* > с.-х. *vjeda* 'призрак' точно так, как лит. **ovi-voidas* > *óvoidas* (букв. 'явный призрак') к *vaĩdas* 'призрак' и представляло бы собой, на праславянском фоне, диалектный вариант более распространенного **avъ-vědъ / -věda / -vědъ / -věstь*. Параллелизм понятий яви и дня внутри данного круга фольклорных представлений проявляется и в сербском диалектном глаголе *обелодани се, убелодани се*, являющемся синонимом глагола *повампирити се* 'стать вампиром, оборотнем'³ наряду с *објавити се* в том же значении [РСА 16: 266]⁴.

Наконец, следует поставить вопрос о том, можно ли сюда отнести обыкновенное для обозначения призрака, привидения, но вме-

¹ Таким способом вышеупомянутое *Днеполье* преобразовалось в *Неполье*; форма с начальным *д-* сохранялась до второй половины XV столетия, согласно данным ту-рецких кадастров [Пешикан 1981: 77].

² Мой покойный отец Боголюб, занимавшийся краеведением, указал мне на этот случай давно, когда я еще был новичком в филологии. С тех пор *Днемрак* > *Немрак* стал для меня парадигматическим примером основного закона ономастики и этимологии, который гласит, что слово по своему происхождению часто не то, чем оно кажется на первый взгляд, и что надо исходить из его исторических записей, если они есть, а если их нет, лучше отказаться от этимологизирования данного слова даже в случаях, когда оно кажется явно прозрачным.

³ [ЕРСЈ 3: 117 s.v. *белодан*]; форма *убелодани се* отмечена в словаре говора города Пирот [Живковић 1987: 160], которому известно и слово *неведа*; для *обелодани се* источником являются две сказки в: [Мајзнер 1934: 122, 123], полученные от собирателя из города Чуприя (Нуприја) в Поморавле. В первой сказано, что оборотень появлялся исключительно ночью, из чего происходит, что речь идет не о появлении сверхъестественного существа при дневном свете, т.е. в буквальном значении прасл. словосочетания **bĕlъjъ dъnъ*, а о том, что оно стало действительно зримым, доступным человеческому видению.

⁴ [РСА 16: 266], подтверждение из Черногории XIX в.

сте с тем этимологически трудное слово *avēt* ж., которому в первом выпуске этимологического словаря сербского языка посвящена довольно большая статья [ЕРСJ 1: 50–53], в которой, в итоге подробно обсуждения разных попыток и возможностей его истолкования, сформулирован очень краткий вывод: «Неясно». ⁵ Там не была учтена изолированная форма *aved* из словаря Йовановича, появившегося год спустя, которая, как мы увидели, на праславянском и балто-славянском фоне получает более надежную этимологию, чем гораздо более распространенная форма *avet*. Предположению, что *avet* развилось из **avědъ < *avь vědъ* в результате контаминации с *av(uj)ect < *avь věstь* препятствует тот факт, что совокупность диалектных данных указывает на праформу **avętь* скорее, чем на **avětь*. ⁶ Традиционное толкование слова как архаичного деепричастия от **aviti sę* в свете нами рассмотренных славянских и балтийских параллелей можно подкрепить предположением, что оно изначально являлось дополнением к **vęda*, изофункциональным элементу **āvi* в балто-славянском сложении *āvi-void-* (*oveid-*), обозначая ‘явствующий’, т. е. явственный, явный призрак. С семантической стороны, надо учесть значения балтийских соответствий прасл. **aviti sę*, лит. *ovytis* ‘являться во сне’, латыш. *āvītiēs* ‘говорить глупости, вести себя по дурацки, буйствовать’, ср. вышеупомянутые серб. глагол *аветати* и словосочетание **правити неведе*.

Литература

Bjelenuh M. Духовна култура Словена у светлу етимологије: јсл. (х)ала // *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Kraków: Wyd. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002. С. 75–82.

Bjelenuh M. Лужнословенска лексика у балканском контексту. Лексичка породица именице *хала* // *Balkanica XXXIV*, Beograd: Srpska Akademija Nauka i Umetnosti, Balkanološki Institut, 2004. С. 143–155.

⁵ Именно по поводу пересмотра данной статьи ЕРСJ с целью включения ее в краткий этимологический словарь сербского языка появился червь сомнения относительно слова *неведа*, считавшегося до тех пор этимологически «нетрудным».

⁶ Форма *avēt* без следов ятя хорошо засвидетельствована в екавских говорах. Ср. сербохорватское *decēt < *desętь*. Слабо засвидетельствованный вариант с начальным х- *хавет*, по-видимому, вторичен.

Бјелетић М. Веде и неведе // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика, у част академика Светлане Толстој, Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 95–107.

Белетич М., Лома А. Сон, смерть, судьба (наблюдения над прасл. **mora*, **mara*) // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой, М.: Индрик, 2013. С. 56–75.

Живковић Н. Речник пиротског говора. Пирот: Музеј Понишавља, 1987.

Јовановић Вл. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник LI, Београд: Ин-т за српски језик САНУ, 2004. С. 313–688.

Лома А. Из средњовековне топонимије Србије // Ономатолошки прилози V, Београд: Српска АНЗиУ, 1984. С. 197–209.

Лома А. Топонимија Бањске хрисовуље. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013.

Мајзнер М. Ј. Српске народне приповетке — текст и коментар // Српски етнографски зборник L. Београд: Српска академија наука и уметности, 1934.

Пешикан М. Из историјске топонимије Подримља // Ономатолошки прилози II, Београд: Српска АНЗиУ, 1981 С. 1–92.

Тутиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch I. Göttingen: Carl Winter Universitätsverlag, 1962.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves, IV: La formation des noms, Paris: IAC, 1974. С. 96–97.

Сокращения

БЕР — Български етимологичен речник, София: Издателство на БАН (т. 1–3), Академично издателство „Проф. Марин Дринов“ (т. 4–7), 1971 –.

Вук — *Стефановић Караџић В.* Српски рјечник, Беч: Просвета, 1852 –.

ЕРСЈ — Етимолошки речник српског језика, Београд: Ин-т за српски језик САНУ, 2003 –.

ЕРСЈ ОС — Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ, Огледна свеска, Београд: Ин-т за српски језик САНУ, 1998.

РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика, Београд: Ин-т за српски језик, 1959 —.

СРНГ — Словарь русских народных говоров, М.-Л.: Наука, 1965—.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков, М.: Наука, 1974 —.

LIV — Rix H., Kümmel M. (и др.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2. Auflage, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.

NIL — Wodtko D., Irslinger B., Schneider C. Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Winter Universitätsverlag, 2008.

Aleksander Loma

Serbian Language Institute

of the Serbian Academy of Arts and Sciences

(Serbia, Belgrade)

loma.aleksandar@gmail.com

ONCE AGAIN ABOUT GHOSTS: IN DREAMS, IN THE DAYLIGHT, IN THE ETYMOLOGY

The paper aims to reconsider the etymology of South-Slavic folklore term *neveda* ‘maleficent supernatural being, misfortune’, hitherto interpreted as **ne-věda*, a compound consisting of the negative prefix **ne-* and the verbal stem **věd-* ‘to see > to know’. However, the late attestation of the word (20th century) and instances of the initial cluster *dn-* reduced to *n-* (*Dnemrak* 1839, today *Nemrak*) suggest another Common Slavic protoform underlying, **dъne-věda* ‘apparition in daylight’, a variant of Balto-Slavic **āvi-vaidas* as reflected in Lithuanian *óvaidas* ‘mischevious boy, scamp’, Serbian dial. *àved* ‘ghost, apparition, scarecrow’, Ukrainian dial. *jávyda* ‘devil’, Russian dial. *jávid* ‘a snake found in the tundra’, where **āvi-* denotes what is really seen as opposed to visions or dreams and **vaida-* means ‘apparition’; a similar semantic narrowing of the Proto Indo European root **uoid-* is observed in Old Indian *véda-* ‘knowledge obtained through divine revelation’.

Key words: Etymology, Slavic, Baltic, compounds, demonology.

References

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. I–VII–, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971–2010–.

Bjeletić M, Loma A. [Sleep, Death, Fate: Considerations upon Proto-Slavic **mora*, **mara*]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira. K iu-bileiu Svetlany Mikhailovny Tolstoy* [Slavica Svetlanica. Language and Worldview. Presented to Svetlana Tolstaya on the occasion of her 75th birthday]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 56–75. (In Russ.)

Bjeletić M. [Slavic Spiritual culture in the light of etymology: South Slavic (*x*)*ala*]. *Dzieje Słowian w świetle leksyki* [History of the Slavs in the light of Vocabulary]. Kraków, Publ. of the Jagiellonian University, 2002, pp. 75–82. (In Serb.)

Bjeletić M. [South Slavic Vocabulary in the Balkan Context: Lexical Relations of the Name *xala*]. *Balkanica XXXIV*, Beograd, Serbian Academy of Sciences and Arts, Institute for Balkan Studies, 2004, pp. 143–155. (In Serb.)

Bjeletić M. [The Known and the Unknown]. *Etnolingvistička proučavanja srpskog i drugih slovenskikh jezika, u čast akademika Svetlane Tolstoj* [Ethnolinguistic Explorations in Serbian and the other Slavic Languages: in Honor of Acad. Svetlana Tolstaya]. Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Language and Literature, 2008, pp. 95–107. (In Serb.)

Etimološki odsek Instituta za srpski jezik SANU. Ogledna sveska [Etymological Department of the SANU Institute of the Serbian Language. Trial Issue]. Beograd, SANU Institute of the Serbian Language Publ., 1998.

Etimološki rečnik srpskog jezika [Etymological Dictionary of the Serbian Language]. Beograd, SANU Institute of the Serbian Language Publ., 2003 –.

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Vol. I, Göttingen, Carl Winter Universitätsverlag Publ., 1962.

Jovanović VI. [Dictionary of the village Kamenitsa near Nish]. *Srpski dijalektološki zbornik* [Proceedings in Serbian Dialectology]. Vol. LI, Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 2004, pp. 313–688. (In Serb.)

Loma A. [From the Medieval Toponymy of Serbia]. *Onomatoloshki prilozi V* [Onomatological proceedings V]. Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 1984, pp. 197–209. (In Serb.)

Loma A. *Toponimija Ban'ske khrisovul'e* [Toponymy in Official Acts]. Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 2013.

Majzner M.J. [Serbian folk short stories — text and comments]. *Srpski etnografski zbornik L* [Serbian ethnographic anthology L]. Beograd, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 1934. (In Serb.)

Peshikan M. [From historical toponymy of Podrimlje]. *Onomatoloshki prilozi II* [Onomatological Proceedings II]. Beograd, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 1981, pp. 1–92. (In Serb.)

Rechnik srpskokhrvatskog knizhevno i narodnog jezika [Dictionary of the Serbo-Croatian Literary and Folk Language]. Beograd, Institute of the Serbian Language Publ., 1959 –.

Rix H., Kümmel M. (et al.). *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen* [Lexicon of Indo-European Verbs. The roots and their primary derivatives]. Auflage, Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Publ., 2001.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 1-46-, Leningrad- St.-Petersburg, Nauka Publ., 1965–2013–.

Stefanovich Karadzhich V. *Srpski rjechnik* [Serbian Dictionary]. Bech, Prosveta Publ., 1852 –.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1-39, Ed. O. N. Trubachev (Iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (Iss. 32–39), Moscow, Nauka Publ., 1974– 2014–.

Tupikov N.M. *Slovar' drevherusskikh ličnykh sobstvennykh imion* [Dictionary of Old Russian Personal Names]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves, IV: La formation des noms* [Comparative Grammar of the Slavic Languages, IV: Nominal formation]. Paris, IAC Publ., 1974.

Wodtko D., Irslinger B., Schneider C. *Nomina im indogermanischen Lexikon* [Names in the Indo-European Lexicon]. Heidelberg, Winter Universitätsverlag Publ., 2008.

Zhivković N. *Rechnik pirotskog govora* [Dictionary of the Pirot Speech]. Pirot, Muzej Ponishavl'a Publ., 1987.